

Антон Панферов

ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ

Несбывшиеся надежды, разбитые сердца, интриги и измены
– все это окружает главную героиню и ведет ее по
тернистому пути, название которому «Жизнь».

12+

АНТОН Панферов

Зеркало судьбы

«Автор»

2019

Панферов А. А.

Зеркало судьбы / А. А. Панферов — «Автор», 2019

В центре романа - конфликт взаимоотношений нескольких семей и поколений. Проходя через проблемы и конфликты между родителями и детьми, главная героиня встает перед нелегким выбором. Долгий и опасный путь полный коварства, ненависти, эгоизма, алчности и предательства предстоит молодой девушке, чтобы познать саму себя и своих близких. Окружающие ее люди, сами того не подозревая, оказываются заложниками обстоятельств и необдуманных действий друг друга. И лишь твердая рука друга, сможет помочь определиться и понять, насколько трудна и серьезна взрослая жизнь. Каждая страница романа, это семейная драма и личная трагедия героев, идущих по тернистому пути, название которому "Жизнь".

© Панферов А. А., 2019

© Автор, 2019

Отголоски лихих 90-х...

Основное место действия нового романа Антона Панферова – старинный подмосковный город. Напрямую он не называется, но внимательный читатель может легко установить его давно известное имя. Но для автора куда важнее время действия. Это первые годы проживаемого нами века. Именно тогда, осенью, на праздник Покрова, состоялась свадьба главных героев Нasti Сёминой и Андрея Немчинова. Андрей взял Настю в жены с ребенком. Ее дочке Наташе исполнился всего годик. Великодушные жениха и его общественный статус, сулило молодым счастливую жизнь. Но новобрачной еще предстояло оправдать ярлык «неудачницы», который повесила на нее родная мать, еще в детстве. С этого и началась история молодой семьи.

Роман Антона Панферова богат событиями, несущими на себе четкий отпечаток предыдущего периода российской истории – лихих 90-х. Говоря иначе, тех самых лет, когда с самого верха прозвучал клич: «Обогащайтесь!» Именно тогда стала складываться каста средних и крупных собственников, начали формироваться семейные кланы. Это Россия уже однажды переживала...

Конкурентная борьба без правил, развращающее действие легких денег. По примеру М. Горького, с его романом «Дело Артамоновых», наш прозаик мог бы назвать свое произведение «Дело Немчиновых». Но в реалиях XXI века крупное семейное «дело» начинает разваливаться уже при младшем Немчинове – этому способствовали предприимчивые коллеги с запада.

После череды несчастий обрушившихся на самых близких родственников Нasti, оказалось, что она-то не самая большая неудачница.

Почему же автор так выстроил сюжет? Почему же он, нередко давая нелестные характеристики отдельным персонажам, привлекает к ним особое внимание и заставляет посмотреть на них как бы изнутри? Почему же главная героиня порой так наивна, доверчива и простодушна? Или она просто никому не желает зла?

Ю. Я. Петрунин

член Союза писателей России

I.

Покров – пора первого снега и свадеб. Снег, начавшийся еще с утра, делал неоднократные попытки накрыть собой все вокруг. Уютно расположившись на траве и еще не успевших сбросить листья деревьях и кустарниках, он все еще никак не мог окутать собой землю. Не успевшая промерзнуть почва, сопротивлялась этому, и не давала снегу осесть на своем теле. Попадая на асфальт, он моментально таял и под воздействием колес и людской обуви превращался в воду, образуя на проезжей части и тротуарах большие лужи. Земля при соприкосновении с ледяными хлопьями, падающими с неба, становилась раскисшей жижей, местами труднопроходимой. Через подобные участки, были проложены гати, в виде сбитых между собой досок, по которым беспрепятственно туда-сюда сновали прохожие, направлявшиеся в сторону Соборной площади.

Провинциальный городок, славившийся своими архитектурными ансамблями, привлекал красотой и внутренним уютом, маня туристов и любителей истории и искусства. Среди постоянных «клиентов» были также молодожены на свадебных лимузинах. Желание молодых запечатлеть себя на фоне древних построек было той невидимой силой, которая влекла их в подобные места.

Въезд для транспорта на территорию соборной площади был запрещен, поэтому гости, сопровождавшие жениха и невесту, вынуждены были покинуть свои теплые места в лимузинах и проследовать весь путь до собора, в котором проходило венчание – пешком. Соборная площадь, выложенная округлыми булыжниками, была не удобна для передвижения дам, в туфлях на высоких каблуках. Подворачивая ноги, хватаясь за своих кавалеров, они медленно продвигались вперед, чертыхаясь и обвиняя организаторов мероприятия в ненадлежащем сервисе. Местные жители, избравшие эти места для периодических прогулок, с любопытством наблюдали за приезжими, оборачиваясь им в след с ехидной улыбкой и саркастическими замечаниями.

– Да! Погода сегодня не удалась, – сетовала одна дама другой, держащей на руках ребенка.

– Еще этот дождь со снегом, лепит прямо в лицо, а я так рассчитывала сегодня погулять подольше, давно не была в этих местах. Выпал случай, и на тебе! – причитала женщина, убирая волосы, выбившиеся из-под шапки.

– Ничего удивительного! – соглашаясь, заметила та, ежась от холода и поправляя сиреневую шапочку на голове малышки. – У нас все время так, вернее не у нас, а у той курицы, что сейчас стоит у алтаря! Даже погода против нее. Неудачница!

– Это ты про Настюшку, что ли?

– А то про кого же?!

– Ну, Марин, не хорошо так говорить! Она ведь все-таки твоя дочь!

– А как еще?! Если ее не критиковать, так она вообще от рук отобьется. А так, глядишь, умнее станет, хотя из таких, как она, толк не выйдет. Если бы ты знала, сколько я ей добра сделала, сколько умных вещей подсказала, все пыталась направить по жизни. Думаешь, она меня хоть как-то отблагодарила?!

– Ты ведь мать!

– Да она мне до конца моих дней должна теперь в ноги кланяться. Я ей грех ее простила!

– Что ты такое выдумываешь? – Изумилась первая дама. – Какой может быть грех у твоей Настюхи? Да у нее лицо невинного ребенка.

– Это тебе так кажется, ты ее плохо знаешь. Это дьявол в юбке, энергетический вампир. Сколько крови она из меня высосала, сколько нервов перепортила своей бестолковостью! Как-нибудь, при других обстоятельствах, я тебе обязательно все расскажу, что она на самом деле из себя представляет.

Обе дамы замолчали и остановились, чтобы передохнуть. Та, что несла на руках ребенка поставила его на землю и всплеснув руками произнесла:

– Ох, и тяжелая ты, Наташка! Скоро тебя и вовсе будет не поднять. Ничего, хоть мамка твоя и отрезанный ломоть, из тебя мы человека сделаем. Мы не дадим Семинскую породу портить, марку нужно держать.

– Нужно догонять остальных что-то мы с тобой отстали, – произнесла подруга, – давай я понесу, а ты отдохни.

– Мне не привыкать, – недовольно фыркнула первая, опять взяв на руки ребенка. – Она уже давно целиком на мне. На эту курицу надежды никакой, она даже за собой последить не может, куда ей ребенка доверять.

Мощная булыжником улица старого города, плавно перетекающая в площадь перед храмовым комплексом, оканчивалась двухэтажными мещанскими домами. В них располагались различные заведения, начиная от сувенирных магазинов и заканчивая винными погребами. Из одного из таких заведений выкатилась шумная кампания молодых, уже подвыпивших ребят – свидетелей жениха и невесты. Они, как и подруги, так же отстали от свадебной процессии.

– Здравствуйте, Марина Ивановна! – крикнул один из ребят, помахав рукой. Увлеченная беседой с подругой, Марина Ивановна сделала вид, что не заметила молодого человека. Она вообще старалась не замечать и не общаться с теми, с кем поддерживала отношения ее дочь.

Миновав последний дом и завернув за угол, обе женщины присоединились к остальной массе гостей, которая уже расположилась у подножия собора в ожидании выхода молодых.

– Марина Ивановна, давайте я подержу Наташку, тяжело ведь! – произнес стоявший со всеми гостями молодой человек, протягивая руки и беря ребенка.

– Ой, спасибо, Митенька! – залепетала Марина Ивановна, освободившись от ноши, стряхивая с себя остатки мокрого снега, налипшего на ее короткий полушубок.

– Вот, чем не пример мужа?! – повернувшись через плечо, бросила Марина Ивановна своей подруге. – Так нет, повертела хвостом возле него, и на этом все. Он ей, видите ли, не подходит. Непонятно по каким соображениям.

Подруга пожала плечами, и без интереса добавила:

– Ей видней!

Звон колоколов, раздавшийся над Соборной площадью, возвестил об окончании службы, и все напряглись в ожидании, что вот-вот двери святыни откроются. Тот час же на передний план, прямо под самые двери вывели двух старушек, одетых по старой русской традиции: в красных кокошниках и белых кружевных фартуках, в руках они держали расшитые рушники с караваем хлеба.

Организаторы свадьбы постарались изобразить праздничное мероприятие на старорусский манер. Каждому отводилась своя роль. Самые близкие, включая родственников новобрачных, расположились по обе стороны от ступеней, образуя свадебный коридор.

Как только молодые появились на ступенях собора, зазвучали восторженные крики, и на головы молодоженов посыпалось зерно, которое горстями подбрасывали вверх. Старушки с заранее заготовленными речами, поднесли каравай, для традиционного состязания – кто больше откусит, тому и быть хозяином в доме. Без сомнения самый большой кусок откусил жених, который так вцепился зубами в хлеб, что чуть не вырвал его из рук старушки. После этого он взял невесту на руки и понес под радостные возгласы друзей и близких. Десятки фотокамер спешили запечатлеть радостный момент жизни – создание новой семьи.

Молодые были полной противоположностью друг другу. Настя, была пушинкой в крепких натренированных руках Андрея. Ее внешний вид не соответствовал ее возрасту, и тот, кто видел ее впервые, ни за что не дал бы ей двадцати пяти лет. Худое, бледное, детское личико, с большими карими глазками, под которыми виднелись замазанные тональным кремом темные круги и утонченная хрупкая фигура, которая содрогалась от порывов ветра, говорили о подверженности этого существа частым болезням. Лицо ее, на которое с трудом была натянута улыбка, даже в столь радостный день выражало неопределенность, пустоту и даже какой-то страх, страх перед тем, что ее ожидает в будущем.

Андрей был старше Насти и выглядел здоровым, румяным широкоплечим мужчиной. Он вел себя настолько непринужденно и светился счастьем, что по одному этому можно было сказать – он добился того, чего хотел, и теперь все его устраивает. Видя и зная свою будущую перспективу, он оставался абсолютно спокоен, наслаждаясь праздником и вниманием, которое ему оказывают окружающие.

Покинув Соборную площадь, молодожены сели в машину и помчались по проспекту в новую жизнь. Остальные, среди которых были гости и родственники, не спеша стали занимать места в своих авто, украшенных свадебной атрибутикой.

– Я, пожалуй, с вами не поеду! – обратилась к Марине Ивановне ее подруга. – Мой что-то разболелся, пойду домой.

– И правильно. Что тебе там делать, среди молодежи? Поезжай, завтра созвонимся, – сказала Марина Ивановна, подбирая полы одежды и садясь в машину.

После того как все автомобили скрылись из виду, женщина еще немного постояла, глядя на здание белокаменного собора, в золотых куполах которого, ярким блеском отразилось выглянувшее из-за облаков солнце. Перекрестившись и поклонившись, она покинула Соборную площадь и не спеша пошла по тротуару.

II.

Трехэтажное здание городского роддома тысяча девятьсот пятьдесят шестого года постройки не знало ремонта более тридцати лет. Но, с приходом нового руководства, в больницу решили вдохнуть новую жизнь. Груды строительного мусора и десятки рабочих, словно муравьи облепившие фасад здания, говорили о том, что процесс пошел.

За всем этим из окон наблюдали молодые, недавно состоявшиеся, и будущие мамы в ожидании встречи с родными и близкими, которые, перекивая шум стройки, пытались узнать, как обстоят дела внутри.

В палатах ремонт был уже завершен, и практически заканчивался в коридорах, где стены уже закрывали декоративным пластиком, но еще было тесно от нагромождения строительного инвентаря. Врачи, медсестры и обслуживающий персонал уже настолько сдружились с рабочими, что, принимая, их за своих, свободно беседовали на разные темы.

Среди остатков строительного мусора и инструментов медленно бродили задумчивые обитатели роддома. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то, прохаживаясь с подругой из одной части в другую, о чем-то горячо беседовал. Все вели себя непринужденно, не замечая того, что творится вокруг. Каждый был занят своим, и можно было подумать, что подобная обстановка для них в порядке вещей.

В ординаторскую, где за тихой мирной беседой сидел обслуживающий персонал, неожиданно влетела женщина в белом халате с озадаченным и удрученным выражением лица.

– Сергей Александрович! – обратилась она к единственному мужчине, который сидел в кожаном кресле в углу помещения, раскинув руки на подлокотниках, и пускал в потолок дым от сигареты. – Пойдемте, хоть вы ей объясните, что если она совсем не будет есть, то отправится на тот свет. Она и так крови много потеряла, а тут еще от еды отказывается.

Доктор резко вскочил, затушил сигарету о стоящую на столе пепельницу и поспешил за медсестрой.

– В чем дело, Сереж? – произнесла вслед пышногрудая молодая шатенка, которая в тот момент красила ногти.

– Да, еще одна проблемная пациентка. Одна из тех, которые залетают по ошибке, не думая о последствиях, а потом или детей из окон выбрасывают или вены режут, или вот как в нашем случае... Я сейчас вернусь! – бросил он, закрывая за собой дверь.

...Настя сидела, упершись спиной в металлическую спинку больничной кровати. Смотря в одну точку на стене, медленно раскачивая головой в разные стороны, она что-то тихо шептала. Глаза ее были красными и не высыхали от слез, которые тонкими струйками стекали по бледным щекам. Рядом в люльке мирно спало недавно появившееся на свет существо. Румяный светловолосый ребенок, светился чистотой и безмятежностью, не зная о том горе, которое точит его маму.

Дверь палаты потихоньку открылась, и на пороге появился доктор в сопровождении медсестры. Он подошел к Насте, опустился на край кровати, и, взяв ее за руку, произнес:

– Ну, что Сёмина, опять бунт на корабле? Рассказывай, что случилось, почему ты отказываешься от еды. Посмотри, какие ледяные у тебя руки, явно нарушено кровообращение. Ты что хочешь себя погубить?

Настя повернула к нему лицо и тихо произнесла:

– Я не знаю, как теперь жить!

– Не знаю, как жить! – повторил Сергей Александрович. – Как все живут! Ты думаешь ты такая одна? Если хочешь знать, подобные случаи не такая уж и редкость в наше время. И многие переносят это достойно. Ты еще молодая, у тебя все впереди. Найдешь себе нормального порядочного мужика, который не погнушается взять молодую маму с ребенком, заведете общего, и будете жить долго и счастливо.

Настя слегка улыбнулась и покачав головой произнесла:

– Только не в моем случае.

– Чем интересно твой случай отличается от остальных? – поинтересовался доктор.

– Меня все ненавидят! Даже родная мать, за малейшую провинность готова с меня шкуру спустить. А тут такое. Она как узнала, что я беременна и буду рожать без отца, хотела меня из дома выгнать. Папа не позволил.

– Ну, вот и прекрасно! Папа ведь тебя любит, он тебя в обиду не даст, – сказал Сергей Александрович, поглаживая девушку по руке.

– Папа умер три месяца назад, от сердечного приступа, – с горечью произнесла Настя и на глазах у нее снова выступили слезы.

– Ну, будет, будет! – начал успокаивать ее доктор. – Прости, я не знал. А может твоя мама в горе тоже изменилась, и примет тебя теперь, как единственного оставшегося родного человека. Ты ведь одна у нее? Сестер и братьев у тебя нет?

– Нет, я одна! А что касается горя, то вряд ли можно назвать папину смерть горем для нее. Если бы он был ей дорог – она не вышла бы так быстро замуж за того мерзкого старикашку! Он намного ее старше, но ужасно богат. У нее всегда была слабость к большим деньгам. Она и папу со свету сжила из-за того, что тот не умел много зарабатывать. Сколько ее помню, ей вечно были нужны деньги. Она постоянно его пилила и ныла: «Если не дашь, возьму у Михаила Борисовича!» Вот за него-то она и вышла замуж, буквально через месяц после его смерти.

– М-да! Действительно не позавидуешь, – почесав голову, произнес Сергей Александрович. – Все равно должен быть какой-то выход, ведь безвыходных ситуаций не бывает. Какие-нибудь родственники, хорошие знакомые, на которых можно положиться, должны ведь быть.

– Родственники все далеко! А из знакомых, самая нормальная, пожалуй, мамина подруга, но у нее своих забот хватает. Муж инвалид, они живут вдвоем в однокомнатной квартире, не думаю, что им захочется со мной во-зиться.

– А жить-то тебе есть где? – поинтересовалась медсестра, все это время стоявшая молча и глядевшая на спящего ребенка в колыбельке, который чему-то улыбался во сне.

– Папа перед смертью завещал мне квартиру! Но я боюсь там находиться одна. Все в ней напоминает о нем и становится не по себе, хочется убежать оттуда.

– Теперь ты не одна! – серьезно произнес доктор. – У тебя теперь есть дочка, и ты должна заботиться о ней, и вырастить из нее хорошего человека. Слышишь! Не о себе, а о ней! Она теперь для тебя главное в жизни и ради нее ты должна жить.

– Спасибо, Сергей Александрович, что вы так печетесь обо мне, я постараюсь что-нибудь придумать, а сейчас, можно я немного посплю, что-то очень спать хочется.

– Это успокоительное начало действовать, – пояснила медсестра, накрывая укладывавшуюся Настю.

Выйдя в коридор, доктор, обратившись к медсестре, произнес:

– Как-нибудь можно узнать, где живет эта подруга Настинной мамы? Я хотел бы с ней поговорить.

III.

Как водится, по традиции, перед появлением большого начальства на подведомственном объекте наводят марафет. Моют, красят, убирают, прячут неугодных личностей, в общем, приводят все в надлежащий порядок, чтобы, как говорится, «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Владелец ткацкой фабрики Петр Иванович Немчинов, очень редко посещал свои предприятия, полностью доверяя отчетам о состоянии дел, которые происходили внутри. В этот раз он решил сделать исключение и лично навеститься в одну из своих вотчин. Вдвоем с сыном-наследником, они с утра пораньше появились на проходной, сверкая атласными костюмами, вводя в ступор своим неожиданным появлением работников предприятия.

Суровый в обращении с близкими и домочадцами Петр Иванович был простым в отношении с остальными. Шествуя по коридорам и цехам, он радушно и приветливо здоровался со всеми, кто попадался ему на пути. Сам он происходил из обычной рабочей семьи, никогда не отличался надменным и заносчивым характером, даже тогда, когда занимал руководящие должности. Со сменой эпох, в начале 90-х, при реорганизации экономики на рыночной манер, ему посчастливилось стать владельцем контрольного пакета акций нескольких предприятий легкой промышленности. Многие годы он с успехом использовал и приумножал свое богатство, сколотив вокруг себя надежный, проверенный коллектив, но в последние годы состояние здоровья ограничило его активность в семейном бизнесе, и он все чаще стал привлекать к этому своего сына.

В главном помещении предприятия уже выстроились упрежденные о приезде высокого начальства сотрудники – в основном это был женский персонал. Все, как на подбор, в белых косынках и синих передниках, они стояли и в недоумении переглядывались и перешептывались, пытаясь понять причину визита хозяина. Петр Иванович поприветствовал их и представил своего сына:

– Тем, кому еще не знаком, хочу представить своего сына и приемника, вот, познакомьтесь Андрей Петрович, – и он подтолкнул его слегка вперед. – Он, конечно, парень еще молодой не опытный, но грамотный, энергичный. С отличием закончил «Бауманку». С вашей помощью он быстро сможет настроиться на рабочий лад и вникнуть во все нюансы.

Немчинов младший, стоял и, краснея, не зная, куда спрятать глаза от пристальных взглядов женского коллектива. Ему тридцатилетнему мужику, было ужасно неудобно стоять у всех на обозрении. Не проронив ни слова, он под конец улыбнулся и сделав небольшой кивок головой встал подле отца.

После того, как знакомство с молодым хозяином было закончено, Петр Иванович пошел по рядам с расспросами – есть ли среди рабочих недовольные, не ущемляют ли в правах, достойная ли заработная плата... Всё мероприятие заняло не более тридцати минут, после этого Немчиновы попрощались с коллективом фабрики, сели в автомобиль и уехали. Никто так и не понял истинной цели этого визита, для чего нужна была эта показательная демонстрация.

... Приехав в офис, Петр Иванович с сыном прошли в кабинет и закрылись на ключ. Перед этим хозяин попросил секретаршу, чтобы его не беспокоили. Начался долгий и сложный для обоих разговор. Было видно, что Петр Иванович страдает каким-то серьезным хроническим заболеванием, которое было в стадии обострения, это мешало ему говорить долго и лидировать в спорах с сыном. Он периодически откидывался на спинку кресла и, закрывая глаза, с жадностью втягивал в себя воздух, или подолгу маленькими глотками цедил воду из стакана.

Речь шла о будущем Андрея и о вступлении его в права наследника. Петр Иванович уже давно мечтал о спокойной жизни, ему хотелось уединиться в каком-нибудь тихом уголке и

заниматься воспитанием внуков. Поэтому его главным условием стало: свадьба его единственного сына, который достигнув тридцатилетнего возраста, все еще не был женат.

– Папа это только мое дело, когда и на ком жениться! – возражал Андрей. – К чему эта спешка? Почему я должен именно сейчас надевать себе хомут на шею? Я может, еще не нагулялся.

– Ты очень легкомысленный и совершенно не думаешь о будущем. Вокруг тебя вертится столько особ женского пола, а ты ни на ком не можешь остановить выбор. Мальчик мой, да пойми ты наконец, тебе тридцать лет, не успеешь оглянуться, как окажешься в моем возрасте. Время течет неумолимо, и этого нельзя не замечать. Я не могу рисковать, не будучи уверенным, что наш семейный бизнес находится в надежных руках и развивается с перспективой на будущее. Если у тебя не будет наследника, на тебе все закончится, и все ради чего я жил, окажется в других руках. Я не могу этого допустить.

– Как будто у тебя есть выбор! – тихо, себе под нос произнес Андрей.

– Есть! Поверь мне! – серьезно ответил Петр Иванович. – Но это будет крайним решением, на тот случай, если мне все же не удастся тебя переубедить. Но тогда ты не получишь ни копейки! Советую подумать над этим.

– Отец, я подумаю! – произнес Андрей, вставая.

– Вот и хорошо! Я рассчитываю на твое благоразумие. – Отец обнял сына и они, открыв дверь, вышли в парадную. В холле на диванчике для гостей сидел пожилой мужчина. Его уставшее недовольное лицо говорило о том, что ему пришлось потратить немало времени, просидев в ожидании, перед очень важным разговором со своим компаньоном. Как только из дверей показались отец и сын Немчиновы, мужчина тут же вскочил, поправив на себе одежду и, не замечая Немчинова младшего, подхватил Петра Ивановича под руку, увлекая его обратно в кабинет. Послышался щелчок замка изнутри, и в кабинете наступила тишина. Андрей, постояв с минуту, озадаченно бросил взгляд на дверь, сунул руки в карманы и медленно побрел к лестничной площадке.

Для него не было неожиданностью подобное поведение этого старика, которого он прекрасно знал и недолюбливал. Он знал, что они с отцом являются компаньонами, и то положение, которое занимает Петр Иванович в обществе, – отчасти заслуга Михаила Борисовича. Именно он, как старший товарищ, сумел переманить отца в этот бизнес и помог ему раскрутиться. Но характеры и способы ведения дел были у них разные. Михаил Борисович, в отличие от отца Андрея, был вспыльчивым корыстолюбивым эгоистом, живущим по закону курятника «клюй ближнего, гадь на нижнего». Для него переступить через человека, ради достижения цели, было проще простого. Поэтому Андрей скептически относился ко всему, что предлагал его отцу этот энергичный старикашка.

... Уединившись в кабинете, двое мужчин расположились друг напротив друга на мягких кожаных креслах, за круглым журнальным столиком. Михаил Борисович, достал из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылочку коньяка и поставил ее на стол.

– Что за повод? – удивился Петр Иванович. – Ты обычно редко с этим приходишь.

– У меня внучка родилась!

– Внучка? – удивился Петр Иванович. – Насколько я знаю, у тебя все внуки уже давно выросли, да и с детьми своими ты не очень-то ладишь, чтобы праздновать подобное.

– Ты разве забыл, что у меня теперь новая семья, – пояснил Михаил Борисович, наливая коньяк в бокалы. Баба, с которой я живу, Маринка, помнишь ее?

– Ну, как же, конечно, помню! – произнес Петр Иванович.

– Ну вот, ее дочка Настюха недавно родила.

– Тогда поздравляю! – Петр Иванович поднял бокал.

– Это ведь еще не все! – улыбнувшись, сказал Михаил Борисович и опрокинул в рот содержимое бокала. – Я ведь к тебе по более важному поводу пришел.

– Интересно! – морщась от крепости выпитого напитка, произнес Петр Иванович, отправляя в рот виноградину.

– У меня есть решение сразу двух проблем, – интригуяюще произнес старик.

Петр Иванович в предчувствии продолжительного разговора, скинул с себя пиджак и повесил его на спинку кресла. Сосредоточившись, он приготовился слушать.

– Речь идет о предстоящей свадьбе, которую я планирую организовать между нашими детьми.

– Позволь, что ты имеешь в виду? – переспросил Петр Иванович, – сильно удивившись неожиданным заявлением своего товарища.

– Ха-ха-ха! – громогласно закатился Михаил Борисович, наливая очередную порцию коньяка. – Помнишь, не так давно ты мне жаловался на то, что твой Андрюшка в тридцать лет все еще ходит в бобылях? – пояснил Михаил Борисович.

– Допустим! Но ты-то тут причем?

– Я причем, – ухмыльнулся старик. – Я тебе сейчас сделку предлагаю. У нас с тобой, есть хорошая возможность породниться.

Опрокинув очередной бокал с коньяком, Михаил Борисович разломил мандаринку и сунул ее в рот. Скривившись от цитрусового привкуса, он сплюнул в кулак косточки и продолжил:

– Предлагаю женить твоего Андрея, на нашей Настюхе. Девка она неплохая, добрая, послушная, правда немного наивная и глупая, но это, сам понимаешь, удел всех баб.

– Ты же говоришь у нее ребенок, значит и мужик есть? – никак не мог взять в толк Петр Иванович.

От смеха и алкоголя, попавшего в кровь, лицо Михаила Борисовича покраснело и стало по цвету похоже на свеклу. Среди нездоровой красноты, выступили фиолетовые прожилки. Откинувшись на спинку кресла, он ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу у ворота рубашки.

– Какой же ты все-таки, Петр, непонятливый, – после небольшой паузы продолжил он. – Стал бы я тебе сватать девку, если бы у нее кто-то был. Одна она, как Папанин на льдине. Какой-то хлюст ей дите сотворил и в кусты, а она теперь боится нам на глаза показаться.

– Почему боится? – поинтересовался Петр Иванович.

– Да, с матерью у них, постоянные контры. Та от нее чего-то хочет, а эта, видно, по молодости не понимает, вот у них и несостыковка. Да и вообще она диковата, ее приручать нужно. С детства привязалась к своему отцу и ни с кем другим не может найти общего языка. Папаша то помер пару месяцев назад, вот с тех пор она и замкнулась в себе.

– И поэтому ты решил нам ее сосватать! – подытожил Петр Иванович.

– Ничего плохого в этом не вижу! Наоборот, для твоего Андрея будет возможность поработать с сырым материалом, и вылепить под себя того, кого ему захочется. В таком состоянии, девки очень податливы, если она в него влюбится, то все, дело сделано. В ногах будет валяться, руки целовать. Самая преданная жена окажется, голову даю на отсечение.

– Ну, допустим, тебе-то какая от этого выгода?

– Как ты не поймешь?! Ты ведь сам говорил что хочешь, чтобы дело твоих рук продолжалось в будущем, вот оно и будет продолжаться через брак наших детей. Твой Андрей наследует все дела, к этому времени он уже семейный человек, как ты и мечтал, у него родится сын, который в свою очередь пойдет по его стопам. Пойми, мой вклад здесь не ограничивается только попыткой навязать в жены твоему сыну падчерицу. Мы становимся большой семьей во всех отношениях, наши капиталы объединяются под одним началом. Ты не хуже меня знаешь,

что у меня нет наследников, обе дочери не разделяют моих взглядов, а возраст уже не позволяет обзавестись сыном, поэтому предлагаю тебе это выгодное дело. Подумай и дай мне ответ.

Михаил Борисович разлил остатки коньяка по бокалам и сделал выжидательное выражение лица.

– Да, задал ты мне задачу! – произнес Петр Иванович, уничтожая остатки спиртного в бокале. – Буквально перед тобой мы с Андрюшкой говорили на эту тему. Рассматривали всевозможные кандидатуры, гораздо более заманчивые чем ты предлагаешь, и то он ерепенился. Теперь даже и не знаю, как он подобное воспримет.

– Ну, он у тебя не дурак, я думаю, сообразит, что к чему, с твоей помощью. Главное, научиться из всего извлекать выгоду.

– Допустим, мне удастся его уговорить, – произнес Петр Иванович, уже уставшим голосом. – Как и где мы их сведем? Ты же сам говорил, что твоя падчерица вас на дух не переносит. Как вы ей все это будете объяснять, и захочет ли она вообще с вами разговаривать?

– Это я беру на себя! – торжественно воскликнул Михаил Борисович. – А что касается времени, лучше всего это будет организовать на юбилее ее матери, который состоится через месяц. У нас будет много гостей, включая молодежь. Думаю, это самый подходящий момент. Все будет выглядеть естественным образом, и никто не заподозрит подвоха.

– Ну что ж, давай попробуем. Как говорится – попытка не пытка, спрос не беда, – вздохнул Петр Иванович, и мужчины, пожав друг другу руки, расстались, довольные итогами беседы.

IV.

Из роддома Настю Сёмину забирала мамина подруга Тамара Михайловна. Отпустили молодую маму, только когда главврач убедился, что психическое состояние позволяет ей адекватно воспринимать окружающий мир, и она точно справится, оказавшись одна с новорожденной на руках. Разговоры с медсёстрами подействовали, и при выписке Настя улыбалась и искренне благодарила всех, кто поддержал ее.

Держа на руках малышку, Настя, сойдя с крыльца, помахала всем на прощание и села в такси. Тамара Михайловна радовалась за свою крестницу, она смотрела на Настю с ребенком любящим взглядом, про себя желая ей простого женского счастья. По дороге домой крестная старалась развеять ее тяжелые мысли о матери, о том, что та ненавидит ее.

– Настя, пойми, она только так и может проявлять свою любовь. Да! Она изменилась за последнее время, и я это тоже заметила, но поверь, она любит тебя! Любит, как умеет!

– Деньги застилают ей глаза, и заменяют все, в том числе и любовь! – прошептала Настя.

– Ты не справедлива! У тебя сейчас на руках малышка и ты должна в первую очередь думать о ней! – продолжала наставлять на путь истинный Настю крестная. – Мать ведь может помочь тебе! У тебя кроме нее никого нет. Я же не смогу всегда быть рядом... И потом, я уверена, новость, что она стала бабушкой, изменит ее отношение к тебе!

– Бабушкой?! – повторила Настя. – Да какая она бабушка.

– Какая-никакая, а родная, – ответила строго Тамара Михайловна.

Такси остановилось у дома, и женщины, поднявшись в квартиру, продолжили разговор.

– Тетя Том, я не хочу ни от кого зависеть! – упрямылась Настя. – Я сама смогу позаботиться о себе и о своей дочке.

Настя осторожно положила спящую девочку на кровать, подперев с одной стороны ее подушкой.

– Глупенькая! Да никто и не говорит, что ты должна что-то у них выпрашивать. Я просто прошу тебя не отказываться от помощи. Ведь сейчас ты не сможешь найти себе работу. Так что деньги не помешают. Тебе столько всего нужно купить для девочки! А ты не хуже меня знаешь, какие сейчас цены.

– Мама просила об этом со мной поговорить? – вдруг произнесла Настя.

От такого неожиданного поворота событий Тамара Михайловна на мгновение оторопела и не знала, что ответить.

– Про деньги определенно разговора не было! – после недолгого молчания произнесла женщина. – Мама переживает за тебя. Вот и просила меня узнать, можно ли ей будет зайти после того, как вы приедете домой.

– Тетя Том, вы действительно в это верите? – усмехнувшись, сказала Настя. – С того момента, как умер папа, я не помню, чтобы ее интересовала моя персона. Все это время она делала вид, что я для нее не существую. А вы мне говорите, что мама переживает за меня. Что-то с трудом верится!

– Ты знаешь, мне кажется, раньше, когда вы жили все вместе, она подсознательно, что ли, ревновала тебя к отцу. Поэтому у вас и были такие натянутые отношения. Ей казалось, что он любит тебя больше, чем ее. Ты ведь знаешь ее характер, она привыкла быть первой и по-другому просто не может быть! А теперь в ее жизни новый мужчина. Ее захлестывают другие эмоции. Уверю, тебя, теперь все будет иначе.

– Боюсь, вы ошибаетесь! – выслушав, произнесла Настя. – Я слишком хорошо ее знаю. Такие люди не меняются ни при каких обстоятельствах. Единственное в чем вы правы, это теперь меня не к кому будет ревновать, она добилась того, чего хотела. Она просто уничтожила объект ревности и теперь может быть спокойна.

– Не будь такой строгой, девочка моя! – с сожалением произнесла Тамара Михайловна. – Вы постарайтесь найти общий язык. Вы же родные люди.

Настя улыбнулась, глядя в добрые и немного наивные глаза крестной, но ничего не ответила. Она оглядела квартиру. С момента смерти отца Насти ничего не изменилось. Окна были наглухо закрыты, поэтому воздух в помещении был спертым, было душно и некомфортно. Крестная открыла форточку, и в комнате сразу стало свежее – почувствовалась легкая прохлада августовского утра.

Настя глубоко вздохнула:

– Да, наверное, Вы правы... Что-то должно измениться. Так дальше жить невозможно.

– Если я тебе не нужна, то, пожалуйста, пойду, – сказала крестная. – Тебе надо хорошенько все обдумать.

Настя кивнула:

– Спасибо тетя Том, передайте привет дяде Павлику!

– Если что, звони.

– Хорошо, спасибо еще раз, – произнесла Настя, закрывая за ней дверь.

...Пока малышка спала, Настя успела разобрать сумки и помыть полы. Уставшая, она опустилась на край кровати и снова погрузилась в раздумье. Больше всего, конечно, она переживала за дочку, которая еще мирно спала.

За две недели проведенных в роддоме, молодой маме пришлось пережить так много, что молоко у нее практически исчезло, и чем теперь кормить дочку, она не очень понимала. Само собой в голове стали возникать разные вопросы: «Как вызвать врача? Как встать на учет, чтобы получать детские смеси? Платно это или нет? С кем оставить малышку? И самое главное: где взять деньги на все?»

И чем больше Настя думала об этом, тем более гнетущим становилось ее состояние.

Она осознавала, что в свои двадцать четыре года, как следует так ничему и не научилась. Готовила она из ряда вон плохо. Ей удавались лишь простые и быстрые блюда. Сварить макароны с сосисками, пельмени, или (на крайний случай!) сделать яичницу она, конечно, могла. Но что касалось супов или каких-нибудь изысканных блюд...

Настя вспомнила свое детство, маму. Как же она тогда мечтала скорее вырасти и всему научиться у нее! Марина Ивановна в молодости была большой модницей. Она работала в ателье и шила себе яркие наряды. Каждый выходной в доме был слышен звук швейной машинки – мама вечно что-то мастерила, украшала... Правда, не Настю, а себя, но это было неважно! Девочке очень нравился весь этот процесс: выбор ткани, подбор ниток, вырезание выкроек! Как же она просила мать научить и ее всему! Но та вечно ссылалась на отсутствие времени, отодвигала момент обучения все дальше и дальше, пока сама девочка, уже повзрослев, не охладела к этому окончательно.

Открыв шкаф, Настя грустно улыбнулась, глядя на стопки цветных тканей, лент и каймы, которые все еще лежали в ожидании своего часа.

– Эх, Наташка! – произнесла она с досадой. – Если бы я только умела, таких бы тебе нарядов нашла! Не пришлось бы денег тратить на магазинное.

Проводя рукой по гладкой полированной поверхности шкафа, она перешла к другому его краю, где в нише располагались фотографии, среди которых в траурной рамке, было фото отца. Коснувшись ее своими тоненькими пальчиками, Настя произнесла:

– Папочка, как мне не хватает тебя! – и на глазах ее снова выступили слезы. Голос девушки задрожал, и через всхлипы послышалось: – Подскажи, научи, как мне жить дальше!

Она медленно сползла по стенке шкафа и, присев на корточки, закрыла лицо руками, содрогаясь от рыдания.

Звонок в дверь привел ее в чувство. Открыв дверь, она увидела на пороге свою мать. Марина Ивановна держала в руках пакеты, наполненные всякой всячиной.

– Мама? Ты? – невольно, от удивления вырвалось у Насти

– А ты кого ожидала увидеть?! – сурово произнесла женщина.

– Что ты здесь делаешь? – все так же с удивлением спросила девушка.

– Может, позволишь мне сначала войти, хозяйюшка?! У меня уже руки отваливаются!

Настя отошла в сторону, пропуская мать в квартиру.

Оказавшись в прихожей, Марина Ивановна поставила сумки на пол, и оглядевшись по сторонам, произнесла:

– Да, давненько я тут не была, а вы, стало быть, только сегодня приехали?

Настя молча кивнула головой.

– А что это у тебя глаза красные, плакала что ли?

– Нет, это спросонья, ты меня разбудила! – серьезно ответила девушка.

– Ты сумки-то разбери, это я для вас купила!

Настя бросила взгляд на два огромных пакета, и нерешительно взяв их, унесла на кухню.

– Ты не переживай, я ненадолго. Зашла вот на внучку поглядеть.

– Я не переживаю, – сказала Настя. – Можешь оставаться сколько хочешь, это ведь и твоя квартира.

– Некогда мне рассиживаться, дел слишком много, да и Михаил Борисович внизу в машине, нехорошо заставлять его ждать.

Настя подошла к ребенку. Аккуратно распеленав ее, она поднесла девочку к Марине Ивановне, чтобы та могла посмотреть на внучку. Женщина улыбнулась и, пощекотав малышку по животику, заигрывающим голосом произнесла:

– Ну, здравствуй, моя хорошая! Давай знакомиться. Я – твоя бабушка.

Девочка загулила и протянула к ней ручки.

– Как назвала ребенка? – обратилась она к дочери, с интересом рассматривая улыбающуюся внучку.

– Наташа.

– Хорошее имя.

Марина Ивановна, протянула ребенка матери и, сев к столу, произнесла:

– Я в общем-то вот зачем зашла. Ты, надеюсь, не забыла, что у меня на следующей неделе юбилей?

Настя промолчала, пристально взглянув в глаза матери, пытаясь понять, что она хочет этим сказать.

– Будет много гостей, включая молодежь, – продолжила Марина Ивановна. – Мне бы хотелось, чтобы ты тоже там была. Не возражай! – оборвала она попытку дочери что-то произнести. – Ты моя единственная дочь и я хочу тебя представить новому обществу. Более того, я хочу, чтобы ты стала частью этого общества. Ты должна хорошенько над этим подумать. Я не принуждаю тебя жить с нами, но и не хочу, чтобы ты была оторвана от нас, прозябая здесь... в нищете, одна. Не забудь, что у тебя теперь ребенок. А без денег, сама понимаешь, что из нее может вырасти.

– Скажи лучше, что тебе будет стыдно перед этим обществом, если у тебя будет дочь жить в нищете, – грубо ответила Настя.

– Ты всегда любила переворачивать все с ног на голову и провоцировать меня! – фыркнула Марина Ивановна. – Ты знаешь, меня больше заботит будущее моей внучки, а не то, что ты обо мне думаешь. У тебя совершенно отсутствует жизненный опыт, и на твоём месте я бы прислушивалась к тому, что говорят взрослые.

– Послушав тебя, я должна по твоему примеру ложиться под каждого, кто поманит меня деньгами, – язвительно произнесла Настя.

У Марины Ивановны все закипело внутри, и она еле сдержала себя, чтобы не дать дочери пощечину. Но, справившись с гневом, женщина произнесла после некоторой паузы:

– Я все же надеюсь, что ты будешь благоразумной и примешь мое предложение. – Она бросила на дочь пристальный взгляд и добавила: – Мне пора, проводи меня.

Замешкавшись в дверях, в тот момент, когда Настя возилась с замком, открывая дверь, Марина Ивановна незаметно вытащила пачку тысячерублевых купюр из своей сумочки, и положила на трюмо в прихожей. Это был наказ Михаила Борисовича, его видение того, как приучить Настю к себе и к легким деньгам.

Закрыв дверь за матерью, девушка хотела было уже вернуться в кухню, чтобы разобрать сумки, которые принесла Марина Ивановна, но ее взгляд упал на пачку денег.

– Что это такое?! – пораженная и возмущенная увиденным, воскликнула она. Открыв дверь и выбежав в коридор, в надежде догнать мать, она лишь услышала звук опускающейся кабины лифта. Вернувшись в квартиру, она села на кровать рядом с дочкой и произнесла:

– Ну вот, Наташка, произошло то, чего я боялась. Нас с тобой купили. Теперь, я буду обязана матери за ее мерзкий жест благотворительности. С одной стороны, это выглядит так низко и грязно, а с другой... нам ведь с тобой так нужны эти деньги.

В сумках, которые машинально начала разбирать Настя, было все необходимое для ребенка: подгузники, молочные смеси, детское питание, пеленки, распашонки, набор сосок, игрушки и многое другое. Девушка терялась в догадках и не понимала, что это было со стороны ее матери... Ей вспомнились слова крестной, о возможной перемене в характере после появления внучки. Может быть, это правда? И все это происходит на самом деле? Но мысли об отце вернули ее к реальности, и она решила быть настороже. Мало ли что задумала Марина Ивановна и ее новый муж.

– Ну, взяла? – произнес Михаил Борисович, как только жена села в машину.

– Я ей их подбросила, в руки не стала давать, она отказалась бы, а так ей уже некуда деваться... Посидит, подумает, и примет правильное решение, – вздохнув, сказала Марина Ивановна. – Поехали, чего стоим, нам еще столько всего нужно успеть сделать.

V.

Неделя перед большим торжеством, прошла в делах и заботах для всех. Марина Ивановна проявляла кипучую деятельность – из своего юбилея она хотела сделать значимое и запоминающееся событие для всего города. Ей так хотелось быть в центре внимания, что ставку женщина делала на массовость. Максимальное количество гостей, присутствующих на этом мероприятии, было для нее самым главным. Так же это был один из способов показать друзьям, знакомым и родственникам, как изменилась ее жизнь и то, в каком обществе она теперь крутится.

Заказав в типографии внушительную пачку пригласительных, она собственноручно все подписала и разслала адресатам.

Все приглашенные были людьми состоятельными и значимыми в городке. Среди них был начальник местного УВД с детьми и супругой, руководители разных финансовых учреждений с семьями, главврач клиники пластической хирургии, к услугам которого не раз прибегала Марина Ивановна, и многие другие...

После эпопеи с выбором гостей и рассылкой пригласительных настал черед похода по магазинам. Марина Ивановна хотела выбрать себе самый ослепительный наряд, чтобы перещеголять всех жен и подруг приглашенных. Без одобрения мужа выбор платья был невозможен, и Михаил Борисович отправился с женой в качестве главного советчика и спонсора. Именно тогда он определил для себя, какой опасной штучкой является эта женщина. С какой ревностью и яростью она отстаивала свои желания заполучить то или иное, иногда даже вопреки мнению мужа. Сначала его это немного забавляло, но вскоре наскучило и начало раздражать.

После покупок, сидя в ресторане за бокалом вина, Марина Ивановна высказывала мужу пожелания, относительно места, проведения торжества. Ее не устраивал ни один из ресторанов города, предложенных Михаилом Борисовичем. По ее мнению, для того количества гостей, которое было приглашено, они все были слишком малы. Выбор ее пал на городской дворец культуры, построенный в стиле ампира, своей архитектурой напоминавший королевский дворец Наполеоновской Франции. Его-то и пришлось оплатить Михаилу Борисовичу – на меньшее любимая жена была не согласна.

...Петр Иванович с Андреем, всю неделю посвятили поездке по стране. Отцу было необходимо познакомить сына, как будущего владельца, с партнерами, которые имели непосредственное влияние на их семейный бизнес. Во время одной из таких рабочих поездок была опять затронута тема знакомства и последующего заключения брака с Настей.

– Пап, ну ты ведь не глупый человек, и сам понимаешь, что этот брак всего лишь фикция. Невозможно никого насильно заставить полюбить, – возражал Андрей на предложения отца.

Петр Иванович, соглашаясь с сыном, не переставал делать попытки убедить его посмотреть на проблему с другой стороны.

– Сынок, ты ведь ее еще даже не видел, а уже делаешь поспешные выводы. Мы ведь тоже, с твоей мамой, когда только познакомились, произвели не очень приятное впечатление друг на друга. Я подошел к ней на выпускном балу в институте. Она была вся из себя, одета с иголочки, а я – неотёсанный студент в вечно мятом костюме с копной нечесаных волос. Ничего, прожили вместе тридцать лет. Потом часто вспоминали это, смеясь.

Андрей всегда с удовольствием слушал рассказы родителей об их прошлом и прислушивался к советам, стараясь их выполнять по возможности. Но, тем не менее, повзрослев, предпочитал руководствоваться собственным мнением и поступать так, как считал правильным.

– Я тебя понимаю, отец! И, сделаю так, как будет выгодно нашей семье. Но я не могу тебе гарантировать, что наш брак будет таким же счастливым как ваш с мамой, потому что он изначально искусственно созданный.

Последней точкой их маршрута, стал небольшой город Каменск-Шахтинский в Ростовской области. Именно здесь, Петр Иванович по традиции заканчивал свои командировки. Здесь на одном из градообразующих предприятий, которое выпускало сырье для ткацких фабрик «империи Немчиновых», работал его старый друг, однокурсник, Виктор Иванович Звягинцев.

Подъезжая к станции, Петр Иванович, глядя в окно вагона СВ, в котором они ехали с сыном, показал ему место, где тридцать лет назад произошла одна из крупнейших железнодорожных катастроф в стране.

– Представляешь, сынок! Именно здесь, на стрелочном переводе отрывается сцепка одного из грузовых вагонов, и вся эта махина, на огромной скорости врывается в стоящий на станции пассажирский поезд, – рассказывал Петр Иванович. – У меня до сих пор мурашки по спине, как вспоминаю... Два хвостовых вагона были в лепешку. Тогда погибли более ста человек. Мы с Виктором чудом остались живы.

– Ты был в этом поезде? – удивленно воскликнул Андрей.

– Да, наш вагон был в середине состава, поэтому мы отделались только ушибами. Представляешь, какой силы был удар?!

– Ты мне никогда не рассказывал про этот случай, – удивился Андрей.

– Да как-то все не доводилось, да и момента не было подходящего, а сейчас вот увидел и вспомнил. Я даже маме твоей ничего не сказал тогда. Не хотел волновать, она как раз была беременна.

На вокзале их уже встречал Виктор Иванович. Несмотря на должность генерального директора, которую Виктор Иванович занимал на своем предприятии, внешне он производил впечатление обычного рядового, ничем не примечательного гражданина. «Круглолицый лысеющий добрячок», – так отозвался о своем друге отец Андрея. Простой в общении, он был так же неприхотлив в одежде. Светлая ветровка, джинсы и кроссовки были повседневной одеждой Виктора Ивановича. Даже на деловые встречи он старался одеваться по-простому, не вынося всяких помпезностей.

Горячо обнявшись, старые друзья приветствовали друг друга, не обращая ни на кого внимания. Виктор Иванович повернулся к Андрею:

– Как все-таки быстро растут чужие дети! Кажется, что совсем недавно ты его привозил к нам еще мальчишкой.

– Да, а с тех пор прошло уже двадцать лет! – вздохнул Петр Иванович.

– Надолго в наши края? – поинтересовался Виктор Иванович.

– Нет, завтра назад, у нас намечается важное мероприятие, нельзя опаздывать!

– Что за мероприятие, если не секрет?

– Юбилей у одной знакомой!

Виктор Иванович вопросительно посмотрел на товарища, тот улыбнулся и пояснил:

– Сына надо сватать, а то засиделся он у меня, – и Петр Иванович хлопнул Андрея по плечу.

– Ну, раз времени у нас немного, поехали быстрее! Хоть немного отдохнете с дороги. Катерина уже на стол собрала, с самого утра вас ждет.

– Виктор, нам бы еще Андрея с документацией познакомить. Он, как мой приемник, должен быть в курсе всех наших дел, – попытался возразить Петр Иванович.

– А у меня как раз все бумаги дома! – заявил Виктор Иванович. – Я ведь на работе ничего не держу. Так что домой, к столу, а потом все вопросы по работе.

...Оказываясь в этих краях, Петр Иванович расслаблялся как нигде больше. Его утомляла суетная жизнь, и он стремился в этот тихий уголок. Несмотря на то, что поездки были рабочими, ему все равно удавалось отдохнуть у друга юности. После смерти жены, он, есте-

ственно, испытывал одиночество. Не с кем было поговорить, некому было посочувствовать, что-то посоветовать. Ему не хватало именно атмосферы домашнего уюта, создаваемого женщиной. Все это его тяготило и гнало из дома. А здесь все это было...

Екатерина Николаевна – Катюшка, как друзья называли ее в своем кругу, – была, по мнению Петра Ивановича, идеалом женщины и хозяйки. Возрастная полнота, которая была ей к лицу, скрывала ее истинный возраст. Аккуратно уложенные волосы под белой косынкой, открывали ее гладкий высокий лоб, с которого она периодически смахивала испарину. С самого утра она варила, жарила, готовила, в ожидании гостей. Супруги Звягинцевы славились своим радушием, особенно когда касалось такого желанного гостя как Петр Иванович. Катерина Николаевна любила его, как родного брата, в молодые годы заставляя даже ревновать своего мужа.

Стоило только мужчинам войти во двор, как она тут же, оставив свои дела, подлетела к ним с объятиями и поцелуями.

– погоди, погоди! – засмеялся Петр Иванович. – Дай хоть налюбоваться на тебя!

– Мать, давай сажай гостей за стол, они с дороги голодные, – делано сердито произнес Виктор Иванович.

– Проходите, проходите! – продолжая обнимать Петра Ивановича и Андрея, быстро говорила женщина. – Я вас с самого утра жду.

– Ты особо-то не хлопочи, они и без твоей суеты устали, – немного осадил ее муж.

– Ой, Петрушенька, сколько ж мы с тобой не виделись? Уж три года прошло со смерти Надежды. Как ты изменился за это время, постарел, исхудал, – продолжала Катерина Николаевна, следуя по пятам за гостями.

Под тенью каштанов, склоняющих свои ветви над участком, Виктор Иванович оборудовал место для отдыха. Массивный дубовый стол, ломившийся от приготовленной еды, располагался по центру беседки. Вокруг него были расставлены плетеные кресла, по количеству гостей.

– Куда ж ты столько наготовила?! – изумился Петр Иванович. – Да здесь на целую роту!

– Пока все не съедите, я вас домой не отпущу! – заулыбалась Катерина Николаевна. Она стояла и ждала, пока гости усядутся, чтобы подать им обед. Накладывая каждому полную тарелку, женщина нахваливала еду, говоря про каждое блюдо, что оно ей очень удалось. Сняв первую пробу, Петр Иванович похвалил сияющую от удовольствия хозяйку за старание и такой вкусный обед.

Андрей с любопытством наблюдал за манерой общения старших. Он с друзьями разговаривал совсем по-другому. Не было такой теплоты и искренности в их беседах. Скорее взаимные подколы и легкие издевки. А здесь... Здесь он был как в заповеднике любви и дружбы. Здесь чувствовались какие-то родственные связи. Люди разговаривали так, как будто их на протяжении всей жизни связывало много общего. И, несмотря на расстояния и редкие встречи, они вели себя настолько раскованно и непринужденно, что Андрей осознал, что такое дается не всем, и он вряд ли когда-то сможет так же общаться с кем-нибудь из своих знакомых.

Не в силах больше сидеть, Андрей, извинившись, вылез из-за стола и, пока старшие были увлечены беседой, не спеша побрел по дорожке, ведущей от беседки к дому. Осматриваясь по сторонам, он вздохнул:

– С какой любовью все здесь сделано! И когда они все успевают? – пробормотал он, обходя аккуратный маленький прудик, берега которого были выложены круглым булыжным камнем. – Да. Судя по всему, у них хороший вкус...

Андрей с интересом разглядывал садовые статуэтки сказочных героев, расставленные вдоль дорожек. Возвращаться к столу ему не хотелось – разговоры ему немного наскучили, и он решил еще пройтись по саду.

...Настя готовилась к предстоящему юбилею матери. Главная проблема была с кем оставить дочку. Брать с собой – невозможно. Нанять приходящую няню? Где гарантия, что случайный человек будет порядочным и не причинит малышке вреда? Оставалась только крестная.

Тамара Михайловна никогда не отказывала девушке в просьбе и старалась помочь. Она же была и ее главной подругой, с которой Настя делила все горести и радости. Много общаясь с ней в юности, женщина старалась отчасти восполнить ей мать, которой именно тогда было не до нее. Крестная считала, что переходный возраст, самое важное время в жизни человека, время, когда закладывается жизненный вектор, понимание мира и своего места в мире вообще.

Деньги, оставленные матерью, очень пригодились девушке. На них она смогла купить все недостающее для ребенка. За последние дни мысли Насти о будущем, еще так недавно тревожащие девушку, теперь были более оптимистичны. Она с надеждой смотрела вперед, строя планы на дальнейшую жизнь.

– Может это даже и хорошо, – сказала ей Тамара Михайловна, когда они выбирали вечернее платье Насте.

– Вы о деньгах? – переспросила девушка.

– Да!

– Не могу сказать, что они лишние в моем положении. Но все же... мне как-то не по себе. Я чувствую себя обязанной.

– Не бери в голову, девочка моя! – ответила Тамара Михайловна.

– Главное – не уподобить себя матушке, – тихо произнесла Настя. – Деньги – как наркотик. Раз попробуешь, потом уже трудно будет от них отказаться.

Настя покрутилась перед зеркалом.

– Тетя Том, а как вы думаете, в детский садик меня с дочкой возьмут, если я попытаюсь устроиться?

– Ой, Насть, даже и не знаю, что тебе ответить! Какие сейчас правила? Сколько должно быть ребенку? Нужно узнавать на месте. – Тамара Михайловна, помолчав немного, добавила. – Ты бы хорошенько подумала, нужно тебе это, сможешь ли? Одно дело за своим смотреть, и то намучаешься. А там... целая орава.

– Лучше пока ничего в голову не пришло! Я с ней как стреноженная, никуда не отойдешь и оставить не на кого. А там все под присмотром будет.

– Попробовать, конечно, можно. Но я думаю, раньше, чем через год даже смысла нет!

– Как вам это? Вроде ничего? – Настя, облаченная в сиреневое вечернее платье с крупными оборками, плавно двигалась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь недостатки.

– По мне, так на тебе все платья хорошо сидят! – заявила Тамара Михайловна. – У тебя чудесная фигурка.

– Ну да! Особенно здесь, – и девушка приподняла ладонями свою маленькую грудь. – А-а... Сойдет! – констатировала она. – Все равно там на меня никто смотреть не будет. Это ведь мамин юбилей...

С наступлением вечера, когда мошकारа стала особенно назойливой, засидевшиеся допоздна под каштанами перешли в дом, чтобы обсудить рабочие дела в узком мужском кругу.

Уединившись за чашкой чая в рабочем кабинете хозяина дома, Петр Иванович начал объяснять сыну основные моменты их сотрудничества. Разложив на столе акты, счета, протоколы переговоров, а также кучу бумаг с таблицами, они детально оговаривали каждый документ. Уже через полчаса от полученной информации у Андрея потемнело в глазах, и закружилась голова. Его представление о наследстве отца, было все-таки иным. Он готов был принимать участие в производственном процессе, но только в качестве контрольной подписи. Все эти бумажные дела его очень напрягали и вводили в ступор. Он изначально думал, что каждый дол-

жен заниматься своим делом. В штате «Империи Немчиновых» было достаточно юристов, экономистов, бухгалтеров, которым можно было перепоручить эту бумажную работу, но, несмотря на это Петр Иванович занимался всеми делами сам. И пытался научить этому сына.

– Все! С меня хватит! – не выдержал Андрей и встал из-за стола. – Мне нужен перекур. Не мое все это...

Петр Иванович удрученно посмотрел на сына и протянул ему сигареты. После того как Андрей вышел, он бросил взгляд на сидевшего рядом Виктора Ивановича, как бы ища поддержки, но тот лишь молча развел руками.

– Даже вникать не хочет! – сетовал Петр Иванович. – Хочет легких денег, не научившись их зарабатывать, привык жить на всем готовом.

– Знаешь, что я тебе скажу, Петро! – произнес Виктор Иванович, подсаживаясь ближе к другу и кладя ему руку на плечо. – К сожалению это беда всех молодых руководителей, которые вот так, как твой Андрей, взлетают по карьерной лестнице вслед за родителями или схожими способами. Для них это как азартная игра, с переменной должностей. Они ведь сейчас не задерживаются подолгу на одном месте, как мы с тобой. Годик, ну максимум два, и на повышение. А отрасль страдает от таких летунов. Он за это время по своей неопытности столько дров наломает, что потом ни один нормальный руководитель не возьмется после него все исправлять. Был у нас один такой на подведомственном участке. Приткнули по блату. Ему и тридцати еще не было, а уже главный инженер. Мысли только о деньгах. Советов не слушал, учиться ничему не хотел. Как с таким работать? Зато самодур был жуткий, кто был у него в подчинении, прям караул кричали, молились, чтобы его поскорее на повышение отправили, с глаз долой.

– Да! Толковых руководителей сейчас днем с огнем не сыщешь, – согласился Петр Иванович.

– Ну ты погоди, раньше времени не расстраивайся. Может, втянется помаленьку, не все сразу. Ты ему больше давай возможности себя проявить, не заслоняй собой, – посоветовал Виктор Иванович

– Скоро у него для этого много времени будет! – произнес Петр Иванович. – До конца года доработаю и освобожу ему место.

– Чего это ты надумал? – насторожился Виктор Иванович.

– Что-то последнее время уставать сильно стал, приступы участились.

– Курить бросай, я тебе давно говорил об этом.

– Я и так уже редко! Раньше, бывало, полторы-две пачки в день выкуривал, а сейчас от силы полпачки. И то Андрей вон помогает, когда свои забудет. Нет, это не курение. Чувствую, внутри там у меня сидит что-то не хорошее, по-видимому, скоро даст о себе знать.

– Да ладно, будет тебе глупости говорить! – махнул рукой Виктор Иванович.

– Глупости не глупости, а факт – упрямая вещь. Раньше мы об этом слышали отдаленно, мол, где-то, кто-то, у кого-то, а сейчас практически в каждой семье и все время на слуху, прямо как эпидемия какая-то.

– Что это вы тут одни в тишине сидите? – послышался из дверей голос Катерины Николаевны. – Андрюшку зачем выгнали? Он на крыльце сидит грустный.

– Что ты чепуху городишь? – возмутился Виктор Иванович. – Никто его не выгонял, просто парень решил подышать свежим воздухом.

– Ну ладно, ладно, не сердись! Я зашла спросить, может, кто проголодался, у нас еще много всего осталось.

– Спасибо Катерина, но уже поздно! Мы после шести стараемся не есть! – сказал Петр Иванович, вставая и потягиваясь. – Сегодня нужно пораньше лечь, а то завтра рано вставать в обратный путь.

– Они что, завтра уже уезжают?! – всплеснула руками Катерина Николаевна, бросив растерянный взгляд на мужа.

– Да не расстраивайся ты так, – произнес Петр Иванович. – Вот дела свои закончу, обязательно еще приеду. И не на один день, а пока не надоем.

VI.

Первый сентябрьский день, выдался на редкость теплым. Солнце светило с самого утра, приветствуя школьников, для которых начался новый учебный год. Кто-то шагал в храм науки в первый раз в жизни, а для кого-то это был последний учебный год перед началом взрослой жизни. Но все, как один, были нарядными, вооруженные рюкзаками и букетами цветов и весело шагали навстречу знаниям. Сотрудники дорожной инспекции регулировали движение, давая ребятам зеленый свет. Автомобили покорно останавливались перед пешеходными переходами и водители с пониманием, терпеливо ждали, когда закончится шествие. Но были и те, кого нервировало столь вялое движение.

Белый внедорожник, замыкавший очередь из машин, путь которым перегородил регулировщик, мигая фарами, пытался вырваться на обочину. Заднее окно автомобиля периодически открывалось, и оттуда высывалась голова женщины, которая на всю улицу выказывала свое возмущение по поводу образовавшейся пробки. Это была Марина Ивановна, она очень сильно нервничала, так как боялась опоздать на свой юбилей. Постоянно раздававшиеся телефонные звонки, и вопросы в трубку («когда же вы будете на месте!?!»), очень раздражали женщину, и она давила на водителя, пыталась принудить его как-нибудь выйти из этого положения. Сидящий рядом муж, молча, читал свежий выпуск газеты. Его ничуть не беспокоила сложившаяся ситуация, он прекрасно понимал, что торжество без них все равно не начнется, поэтому гости будут ждать столько, сколько нужно.

Наконец Марина Ивановна не выдержала и набросилась с упреками на мужа:

– А ты что молчишь?! Сделай что-нибудь! – первый выпад Михаил Борисович проигнорировал, лишь молча перевернув страницу газеты. – Как же ты меня раздражаешь своим молчанием! – не унималась женщина. – Я, кажется, к тебе обращаюсь?! Ты что, мне хочешь испортить праздник?

– Что я должен, по-твоему, сделать? – отложив в сторону газету, спокойно произнес Михаил Борисович. – Высунуться из окна и орать на всех дурниной? Как это ты сейчас делаешь.

– Ты должен что-нибудь сделать. Мы опаздываем, время уже одиннадцать часов, – процедила сквозь зубы Марина Ивановна.

– Ничего страшного, подождут. А потом, ты сама виновата. Тебе же надо было выбрать именно это время для празднования. Ты же прекрасно знала, какой сегодня день! Ну чем тебя вечер не устраивал? – уже с явным раздражением процедил сквозь зубы Михаил Борисович.

– Вечер! Да! Столько времени готовиться, чтобы только пару часов посидеть. Ты же не хуже меня знаешь, как быстро проходят все эти вечера...

Потихоньку пробка начала рассасываться, машина сдвинулась с места, и женщина стала успокаиваться. Как только автомобиль въехал на дворцовую площадь и поравнялся с дорожкой, которая вела через дубовую аллею к зданию городского дворца культуры, Марина Ивановна выпрыгнула из двери, и, не дожидаясь мужа, побежала навстречу гостям, которые уже стояли на ступенях при входе в здание. Кроны молодых деревьев, плотно стоявших друг с другом, окутывали пространство над головой встречающих, образуя зеленый свод из листьев, через которые едва пробивались солнечные лучи. Случайные прохожие с любопытством наблюдали за нарядно одетой женщиной, наверняка считая, что это, должно быть, какая-то актриса, опаздывающая на спектакль.

Двое мужчин, стоявших ближе всех, шагнули навстречу и подхватили, чуть не падавшую, запыхавшуюся Марину Ивановну.

– Вот и я! – переводя дух, произнесла именинница, окидывая взглядом солидную толпу, собравшуюся при входе. – Как я рада всех вас видеть!

Вскоре к гостям присоединился и Михаил Борисович. Он держал в руках большую корзину с цветами и легкую накидку, которую его супруга забыла в машине.

– Добро пожаловать, дорогие гости! – произнес Михаил Борисович, жестом приглашая присутствующих проходить в здание.

Гости, оказавшись внутри, были поражены величию интерьера фойе Дворца культуры. В огромном, просторном помещении, отделанном мрамором и по всему периметру увешанном зеркалами, располагался богато накрытый праздничный стол. Вернее, это был даже не стол, а некая конструкция из столов, установленных буквой «П». Огромная многоярусная хрустальная люстра, висевшая посередине, освещала все пространство, переливаясь и придавая всему величественный оттенок. Лестничные проходы на этажи, были закрыты красными атласными гардинами, на которых красовалась, сделанные из какого-то особого, переливающегося золотом материала, цифры «50».

Ковровая дорожка, тянувшаяся от самого основания стола, где должна воссесть именинница, заканчивалась пространством, отведенным под танцевальную площадку, на ней был установлен пульт ди-джея, микрофон и динамики. По углам зала были выстроены колонны, сделанные из разноцветных шариков, которые подобно головам то склонялись, то выпрямлялись под направленными потоками воздуха. Стол по-сказочному ломился от кушаний, блюд и разнообразных закусок.

Было заметно, что Марине Ивановне было приятно такое внимание к собственной персоне. Она купалась в восторге и зависти гостей. Но чтобы понять, все ли пришли, именинница придумала необычный способ. Присутствующие увидели табло, на котором светились крупные белые цифры «150». Все были заинтригованы, что же они значили.

– Дорогие гости! Минутку внимания! – радостно произнесла Марина Ивановна, подойдя к микрофону. – У вас в руках приглашительные билеты, посмотрите на них внимательно!

Тут же послышалась возня. Гости стали искать небольшие картонные карточки. Кто в карманах брюк, кто в дамской сумочке, кто в кошельке. После того, как найденный предмет был у каждого в руках, Марина Ивановна попросила поднести карточку штрих-кодом, который был отпечатан на краю приглашительного билета, к круглому окошку, располагавшемуся на небольшой коробочке, с помощью шнура подсоединенной к экрану. Как только первые желающие произвели эти манипуляции, на мониторе пошел обратный отсчет.

– Прямо, как на платной стоянке! – прозвучал веселый мужской голос. – Осталось 133 места! – и весь зал наполнился задорным смехом.

После того, как процедура была завершена, и все гости заняли места за столом, на мониторе еще осталась цифра «3».

– Кто-то не пришел! – забеспокоилась Марина Ивановна, практически считая всех по головам.

Сев на свое место рядом с мужем она гневно произнесла:

– Я так и знала! Этим троим как раз и нет.

– Кого ты имеешь в виду? – переспросил Михаил Борисович.

– Ну как же, неужели ты не видишь! Твоего компаньона с сыном и Настьки, черт бы ее побрал. – Михаил Борисович окинул взглядом присутствующих, и, наклонившись к жене, произнес: – Я сейчас!

Незаметно он покинул свое место и скрылся за дверью. Гости же настолько были увлечены беседой друг с другом, и заняты наполнением собственных тарелок и бокалов, что ничего не заметили. Они пробовали закуски, наполняли фужеры, и произносили тосты, чокаясь то с соседом справа, то с соседом слева, предлагали попробовать то или иное блюдо соседям, ухаживали за дамами, даже при наличии собственной спутницы.

За всем этим сурово наблюдала именинница, сидевшая в гордом одиночестве. «Как я вас всех ненавижу! Завистники, прихлебатели, лицемеры. Все вы рады поесть и попить за чужой счет и создаете лживый вид искренних, радушных и надежных друзей, готовых прийти на помощь по первому зову!» – думала Марина Ивановна, глядя на гостей.

Она и сама была под стать собравшейся компании, не раз используя каждого в личных целях и попутно расширяя круг знакомств. Оказавшись после свадьбы в числе самых богатых и уважаемых лиц города, Марина Ивановна умело пользовалась своим положением. Находясь на короткой ноге с особами, занимающими ответственные посты, она выстраивала свою систему взаимоотношений. С некоторыми она была настойчивой и непреклонной, а перед кем-то готова была унизиться, чтобы достичь необходимой цели. Что-что, а искусство дипломатии ей было знакомо. Таким образом, несмотря на общую дружелюбную атмосферу, которая царилась за праздничным столом, за ним собралось полторы сотни хищников, готовых растерзать друг друга при первой возможности.

Через несколько минут в дверях появился Михаил Борисович. Одной рукой он обнимал за плечи Настю. Пройдя к столу, отчим усадил ее справа от матери и занял свое место.

– Наконец-то! – произнесла Марина Ивановна, обратившись к дочери. – Почему так долго?

– Такси долго ждала, – произнесла девушка и улыбнувшись подала матери маленькую коробочку, аккуратно завернутую в подарочную бумагу. – С днем рождения! – и осторожно поцеловала ее в щеку.

Следом подключился Михаил Борисович. Он наполнил свой бокал и произнес тост за здоровье своей драгоценной, несравненной и любимой женушки. Слово «женушка», он как-то особо подчеркнул, но никто этого не заметил, даже сама именинница. Тост Михаила Борисовича, тут же было подхвачен множеством восторженных голосов, сливающихся со звоном бокалов.

Отец и сын Немчиновы, чтобы добраться до места торжества, так же, как и Настя, решили воспользоваться услугами такси, но сбой, который произошел в этот день на линии диспетчерской связи, заставил их понервничать в ожидании транспорта.

Петр Иванович с тревогой периодически поглядывал на часы, ожидая звонка. Он старался никогда не опаздывать, а тут такой казус. Звонок от Михаила Борисовича раздался как раз в тот момент, когда он доставал из пачки очередную сигарету.

– Ну что-что! Никак не уедем. Еще стоим у подъезда! – практически прокричал в трубку Петр Иванович, не сдерживая гнев. – Эти чертовы службы, вечно у них что-то происходит.

– Давай я за вами машину пришлю, – послышалась в трубке.

Не успел Петр Иванович ответить, как из-за угла послышался скрип тормозов, и перед подъездом встал желтый «ниссан». – Ну, наконец-то! – воскликнул Немчинов старший. – Все, выезжаем, ждите! Улица Лажечникова, дом 5, – сказал Петр Иванович, обращаясь к таксисту.

...В тот момент, когда отец и сын Немчиновы вошли в зал, где проходило торжество, как раз наступил момент поздравлений. Все старались выразиться, как можно лучше, не стесняясь лестных отзывов, обращенных к виновнице торжества и как можно эффектнее вручить подарки. Марина Ивановна с интересом и вниманием слушала, аккуратно ставя разноцветные свертки и коробки на столике позади себя. Мысленно же она была уже дома и распаковывала, разворачивала, рассматривала, и, руководствуясь ценностью даров, решала, как будет выстраивать дальнейшие отношения с дарителями.

Петр Иванович и Андрей, дождались, когда последний из гостей, выразит свои чувства имениннице, также преподнесли ей свой подарок – плетеную корзину с цветами, внутри которой находились маленькие бутылочки и баночки с разноцветными жидкостями и кремами. Расцеловавшись в щеки с Немчиновым старшим, и немного жеманно поклонившись его сыну,

Марина Ивановна попросила наполнить штрафные бокалы опоздавшим, и указала на два свободных места в центре правого крыла стола.

Молодежь, присутствующая на этом торжественном мероприятии, не выдержала долгого сиденья за столом. Ди-джей решил разбавить уже начинающую наскучивать череду застольных разговоров, более активной музыкой. Четверка ребят и девчонок вскочили со своих мест на танцпол, привлекая в центр и всех остальных гостей.

Скромно сидевшая за столом Настя, старалась не привлекать к себе внимания. Она не любила, когда посторонние люди уделяют внимание ее персоне. Ей была чужда атмосфера местного «бомонда». Внутренне она не воспринимала всех этих людей и желала как можно быстрее поехать домой. Неожиданно она почувствовала на себе пристальный взгляд молодого человека, танцующего в центре зала. Настя отвела глаза, стараясь не показывать своего смущения.

Наискосок от нее сидел еще один субъект, который так же внимательно изучал девушку. Это был Андрей Немчинов, который выполняя волю отца, старался объективно оценить ее внешность и манеры.

Настя опустила глаза, делая вид, что внимательно рассматривает на руке браслет, тем самым стараясь не встречаться глазами ни с одним из молодых людей. «Да что же это?! – думала она. – То ни одного, то сразу двое готовы просверлить меня своими взглядами...»

– Марина Ивановна, это скромница – ваша дочь? – услышала Настя чей-то голос. Подняв глаза, она увидела рядом с собой худощавого молодого человека, элегантно одетого, с уложенными густыми черными, волосами и пронзительными глазами.

– Займитесь ею, Митенька! – произнесла Марина Ивановна. – Иначе она до самого вечера просидит, как дикий зверек в клетке.

– Как тебя зовут, прелесть? – обратился он к Насте.

Слово «прелесть» прозвучало из его уст как-то небрежно и вульгарно, но Настя, повинуясь пристальному взгляду матери, назвала свое имя.

– Меня зовут Дмитрий, для друзей просто Митя! Пойдем, потанцуем, познакомишься с девчонками. – И наклонившись к ее уху, прошептал: – Все веселее будет, чем сидеть со стариками.

Настя неохотно поднялась со своего места и, опираясь на предложенную молодым человеком руку, направилась в середину зала.

– Познакомьтесь, это дочка Марины Ивановны. Зовут это чудо – Настя, – произнес молодой человек, когда они подошли к остальным.

VII.

Гамбург – один из крупнейших городов Германии, располагающийся в ее северной части. Благодаря своему географическому положению, город играет исключительную роль в экономике этой страны. Являясь торговыми воротами, он соединяет между собой огромные транспортные узлы, как морские, так и сухопутные. Сотни крупных промышленных предприятий города, связаны между собой эффективно функционирующей системой логистики. Офисы головных компаний, имеющие филиалы в разных частях света, сосредотачивают в себе лучшие экономические умы, нацеленные на развитие крупных отраслей. В каждом из них дни и ночи ведутся стратегические исследовательские работы по поиску партнеров и источников доходов той или иной кампании. Планерные совещания у генеральных директоров начинаются с прослушивания отчетов о проделанной работе, зачитываются предложения и способы реализации разработанных проектов. Молодые, подающие надежду специалисты, пытаются понравиться и угодить своему шефу, стараются подготовить такой материал, который будет отражать экономический эффект от проделанной ими работы.

Во время одного из таких совещаний, в офисе генерального директора компании «Карл Майер», проходило слушание по вопросу расширения географии поставок оборудования. За круглым столом собрались полтора десятка лучших специалистов компании. Подготовленные документы и бурное обсуждение говорили о значимости принимаемых решений. Докладчику выделялось не более десяти минут. За это время было необходимо четко и ясно обосновать направление экономической политики и ее будущие результаты. После того как все присутствующие выступят со своими предложениями, генеральному директору предстоял выбор направления и партнера, при дальнейшей работе с которым, кампания должна оказаться в выигрыше.

Для всех это было ответственное мероприятие, так как от результата зависела карьера сотрудника, разрабатывающего свой проект. Каждый старался выдвинуть его на первое место, делая акцент на исключительности и большой выгоде, с огромной перспективой на будущее. Выслушав каждого, генеральный директор, обратил внимание на последнего докладчика, направлением которого являлась экономическая политика на восточном направлении.

– С этого момента, пожалуйста, поподробнее. Что вы подразумеваете под этим, господин Шредер?

Тот, к кому обратился генеральный, был мужчина среднего возраста в очках, плотного телосложения, слегка лысеющий. Он немного напоминал сельского библиотекаря, и его мягкие, крупные черты лица вызвали чувство доверия. Сильно нервничая, господин Шредер периодически вытирал испарину со лба, пытаясь сосредоточиться, чтобы ничего не упустить.

– Если позволит господин директор, сначала я хотел бы обрисовать общую ситуацию на восточном участке наших интересов.

– Пожалуйста, время у нас есть!

– Так вот, – продолжил господин Шредер. – Говоря о восточном направлении, я имею в виду, прежде всего, Россию. До настоящего момента у нас не было возможности наладить контакты с их стороной по вопросам заключения контрактов и возможности поставок нашего оборудования в эту страну.

– Что же мешало этому, как вы считаете? – поинтересовался генеральный.

– Прежде всего, это консервативные силы, находящиеся в управлении интересующей нас отрасли, – пояснил господин Шредер. – После того как Союз развалился, самые предприимчивые сосредоточили в своих руках большинство средств производства, объединив их в концерны, которые поддерживали друг с другом экономические отношения посредством кооперационных связей. Их главная задача – сохранение конкурентоспособности на внутреннем рынке и отказ от привлечения иностранного капитала.

– Как странно... – удивился господин директор. – По мне, так иностранные инвестиции в любую экономику дают возможности ее роста. Почему же здесь такое сопротивление?

– С одной стороны дают. Но как я уже сказал, руководство интересующего нас направления слишком консервативно в плане привлечения иностранцев и сотрудничества с ними. Я думаю, никому не надо объяснять, что участие иностранного капитала в деятельности предприятий той или иной отрасли предполагает их зависимость от этого самого капитала, и в какой-то мере утраты суверенитета. Поэтому-то их руководители, воспитанные еще в духе «марксизма», с опаской смотрят в нашу сторону. Не хотят делиться.

– Что же тогда вас привлекло в этом направлении, если как вы утверждаете там все так сложно? – скептически отреагировал господин директор.

– Дело в том, – продолжил развивать мысль господин Шредер, – мы находимся на российском рынке уже более десяти лет, и проводим мониторинг во всех направлениях, выискивая слабые места. Наши агенты, проводят «программу убеждения» в попытке добиться желаемого результата. Буквально несколько дней назад нам стало известно, что в ближайшее время может разрешиться один из острых вопросов на интересующем нас направлении, естественно,

в положительную сторону. Смена руководства одной крупной корпорации, позволит нам действовать более решительно и добиться положительных результатов в реализации продукции нашей фирмы.

– Вы в этом уверены? – спросил генеральный.

– Безусловно! Мы получили гарантии от одного из их руководителей, являющегося учредителем компании, и у нас нет причин не доверять ему.

– Хорошо, я рассчитываю на вас господин Шредер! Работайте дальше в этом направлении. Попрошу оставить мне документы по этому делу, я подробнее ознакомлюсь с ними.

VIII.

Праздник по случаю юбилея был в самом разгаре. К танцующей молодежи стали присоединяться гости постарше. Со стороны было немного забавно наблюдать, как грузные фигуры стараются двигаться в такт современной музыке. Настя, максимально деликатно избавившись от своего надоедливового кавалера, который не упускал возможности затащить девушку на танцпол, снова заняла свое место за столом. Тоненькими пальчиками она аккуратно взяла из вазочки мандарин и, очистив его, отправила в рот дольку. В момент, когда она, поморщившись от вкуса цитруса, огляделась по сторонам, ее глаза встретились с пристально смотревшим на нее Андреем. Он по-прежнему сидел на своем месте и, похоже, так и не вставал.

Марина Ивановна заметила эти взгляды и, толкнув мужа локтем в бок, тихо произнесла:

– Похоже, этот Андрей такой же тюфяк, как и наша курица. Битый час сидит сиднем, только ест и смотрит. Я уже начинаю сомневаться в правильности принятого тобой решения. По-моему, из этого ничего хорошего не выйдет, – произнесла женщина.

– Доверься мне! – произнес Михаил Борисович и встав со своего места направился к танцующей молодежи.

Через мгновение, музыка, доносившаяся из колонок, стала спокойнее и мелодичнее. Услышав знакомые ритмы, Андрей, все это время сидевший неподвижно, вдруг изменился в лице и взглянул на сидящего рядом отца.

– Это ведь мама, любимая! – произнес он.

Петр Иванович улыбнулся и кивнул головой в сторону сидевшей за противоположным столом Насти.

Судя по всему, девушке эта мелодия тоже была знакома и навеяла какие-то приятные воспоминания.

Наслаждаясь музыкой, девушка не заметила, как Андрей подошел к ней, и слегка коснувшись плеча, произнес:

– Можно вас пригласить?

Настя сначала вздрогнула от неожиданности, но увидев добродушную улыбку на лице молодого человека, кивнула головой и подала руку.

– Меня зовут Андрей! – произнес молодой человек, обняв девушку за талию.

– Настя!

– Вам не нравится быстрая музыка? Я обратил внимание как вы поспешно покинули кампанию вон того молодого человека, – и Андрей кивнул в сторону Дмитрия.

– Просто он мне показался слишком вульгарным, – произнесла Настя. – У него как-то все просто и быстро в общении с девушками. Я к такому не привыкла... А вам тоже знакома эта музыка? – обратилась она к Андрею.

– Да, это любимая мелодия моей мамы! Ее, к сожалению, уже нет в живых.

– Какое совпадение, – удивилась Настя. – Я тоже недавно потеряла одного из родителей. Мой папа очень любил эту мелодию.

– Ну вот видите, – произнес Андрей. – Между нами уже есть что-то общее.

И девушка улыбнулась.

Спустя некоторое время, они уже сидели за столом вместе и Андрей, как истинный джентльмен, ухаживал за своей дамой.

Настя, сидя рядом с молодым человеком, впервые за этот день ощутила покой. А именно этого и не хватало ей в последнее время. Наконец-то она перестала ощущать себя зажатой и чужой в этом незнакомом ей месте среди посторонних людей.

Андрей с радостью смотрел на это почти детское невинное личико, бледность которого украсил появившейся на ее щеках едва заметный румянец и естественная простая улыбка. Как же он боялся, что его предполагаемая невеста окажется жеманной и капризной, как ее мать. Но этого не произошло, и он чувствовал в Насте родственную душу.

Вдруг Насте захотелось рассказать Андрею о себе все-все. О том, как она жила, живет, об обидах на мать, о смерти отца, о дочке... Молодой человек, очень внимательно слушал ее рассказ, иногда задавая какие-то интересующие его вопросы. Что-то нахлынуло на него, он взял ее руку, прижал к своей щеке, закрыв от удовольствия глаза.

За всем этим со стороны наблюдали несколько пар любопытных глаз, среди которых были родители молодых людей.

Михаил Борисович подошел к своему компаньону, сел рядом на свободный стул и прикинув к нему плечом, прошептал:

– Ну что, дружище, кажись, дело сделано!

Петр Иванович искоса посмотрел на своего товарища и скептически произнес:

– Я бы не стал торопить события, друг мой, ребята всего-навсего беседуют.

В ответ Михаил Борисович лишь усмехнулся, бросил себе в рот кусок копченой колбасы, и похлопав старого товарища по плечу, вернулся на свое место, продолжая довольно улыбаться и многозначительно покачивать головой.

Дмитрий, который первым танцевал с Настей, так же не спускал с них глаз. Он был с Андреем в приятельских отношениях, поэтому знал, как часто меняет он особ женского пола, как разбивает им сердца. Поэтому испытывал большое беспокойство, видя, как молодые люди общаются, и как Настя расположена к парню. Заказав у ди-джея медленный танец, он решил пригласить девушку на танец.

– Андрей, ты не против, если я ангажирую твою собеседницу? – подойдя, произнес Дмитрий.

– Только если собеседница не против, – ответил тот, выразительно посмотрев Насте в глаза.

Девушка, держащая руку Андрея в своих, вдруг как-то напряглась, сжав ладонь молодого человека еще сильнее и отрицательно покачав головой произнесла:

– Мне что-то не хочется, голова кружится, наверное, я много выпила.

– Вот и развеешься немного, – не сдавался Дмитрий.

– Давай попозже!

– Ну... хорошо! Ловлю тебя на слове! – произнес молодой человек и быстро удалился к поджидавшим его друзьям.

В течение последующего часа, перед глазами тех, кто наблюдал за обстановкой банкетного зала, предстала следующая картина: Михаил Борисович, уже изрядно нагружившись, после того как Дмитрий отошел от Андрея с Настей, подался в его сторону. Взяв молодого человека за локоть и отведя его в сторону, он стал что-то ему объяснять, попутно размахивая руками. Недоумение, отразившееся на лице молодого человека, привлекло внимание его отца – начальника городского УВД, который поспешил на выручку своему сыну.

– Что у вас здесь произошло? – вступил в разговор, начальник УВД.

– Ничего особенного! – промямлил Михаил Борисович. – Просто я пытался объяснить вашему сыну кое-какие правила поведения.

– Что еще за правила? – возмутился отец Дмитрия. – И почему они распространяются именно на моего сына?

– Позвольте вам объяснить! – вежливо произнес Михаил Борисович, приобняв за плечи начальника УВД. – Давайте выйдем на свежий воздух.

Направляясь в сторону выхода, Михаил Борисович сделал знак Петру Ивановичу, чтобы тот следовал за ними. Спустя некоторое время трое мужчин вновь появились в дверях, и, судя по выражению их лиц, каждый остался доволен разговором, который между ними произошел.

Начальник УВД подошел к своему сыну, что-то ему сказал, и они, откланявшись, поспешили покинуть мероприятие. Михаил Борисович и Петр Иванович, так же довольные, заняли свои места.

– Что это за спектакль вы тут устроили? – произнесла Марина Ивановна, обратившись к мужу.

– Дома расскажу, – зевнув, ответил тот.

– Пап, мы тоже, пожалуй, пойдем, – сказал Андрей отцу. – Уже поздно, а Насте нужно дочку спать укладывать. Я ее провожу и поеду домой!

– Хорошо, поезжайте, я еще посижу, – ответил Петр Иванович, пожав сыну руку.

Настя, попрощавшись с матерью, еще раз поздравила ее с днем рождения и в сопровождении молодого человека вышла наружу. Осенняя прохлада вечера окутала все вокруг, и оказавшись на свежем воздухе, девушка невольно вздрогнула от налетевшего ветерка. Андрей снял с себя пиджак, и накинул его на обнаженные плечи девушки. Деликатно обняв, он повел ее сквозь еще зеленую аллею сквера к поджидавшему их недалеке такси.

IX.

В один из прохладных сентябрьских дней, едва осенние солнечные лучи проникли в комнату, где сладко спала девушка, раздался звонок в дверь. Настя от неожиданности вскочила на постели, пытаясь прийти в себя от резкого пробуждения, сердце в груди бешено заколотилось. Бросив взгляд на мирно спавшую в колыбельке дочку, она откинула одеяло, надев на тонкую ночную рубашку домашний махровый халат, и босиком прошлепала в прихожую.

На лестничной площадке стоял мальчуган лет четырнадцати, он держал в руках большую корзину с цветами, и как только Настино личико показалось из дверей, мальчуган громким голосом произнес:

– Вы будете Настя Сёмина?

– Да, – робко произнесла девушка.

– Тогда это для вас! – и он протянул ей корзину.

– От кого это?

– Внутри открытка. Там все написано. Моя миссия выполнена, счастливо оставаться! – отрапортовал мальчуган и вприпрыжку помчался по лестнице.

Настя с большим интересом рассматривала неожиданный сюрприз. Поставив корзину на стол, она обошла ее со всех сторон, с удивлением рассматривая, как будто это были не цветы, а какая-то диковинная вещь. Сняв прозрачную обертку, она наклонилась лицом к цветам и, глубоко вдохнув аромат роз, закрыла от удовольствия глаза. На боку корзины была прикреплена красивая открытка. Девушка аккуратно ее взяла и начала читать:

Дорогая Настя! Пусть эта корзина цветов, символизирует мои искренние чувства к тебе. Несмотря ни на что, я хочу сказать тебе, что ты самое прекрасное существо, какое я когда-либо встречал. Мы с тобой еще так мало знакомы, и возможно ты никогда не испытаешь тех чувств, которые испытываю к тебе я. Поверь, несмотря на то, что по некоторым обстоятельствам мы не сможем быть вместе, во мне ты сможешь найти надежную опору. Я могу стать для тебя

тем, кем ты сама пожелаешь – верным другом или старшим братом. Прошу, не отвергай меня, позволь быть рядом с тобой...

Прочитав эти слова, Настя незаметно для себя покраснела, и ощутила приятное головокружение. Она и подумать не могла, что ее персона вызовет интерес сразу двух молодых людей.

В конце письма Дмитрий приглашал ее провести вечер в кафе, вдвоем, как он выразился «в тесной дружеской беседе». Ей стало ужасно неудобно. Что она скажет Андрею? Но и отказать Дмитрию, после подобного знака внимания она тоже не могла. Поэтому все же решила встретиться и попытаться понять, о каких «обстоятельствах» идет речь.

Вечер при свечах, в небольшом уютном ресторанчике провинциального городка, выглядит особенно романтично. Тихая классическая музыка и высокие цены придают подобным встречам особую атмосферу и уединенность.

Несколько пар, занимавших места в глубине зала, о чем-то тихо беседовали. Кто-то держался за руки, кто-то за сердце, расплачиваясь после ужина. Дмитрий отодвинул стул и помог Насте сесть за столик около окна. Девушка вела себя немного скованно, вспоминая, как легко и немного нагло вел он себя с ней на юбилее матери. Но сейчас ничего не выдавало в нем того разнузданного молодого человека, отпускавшего скользкие шуточки в адрес гостей праздника. Сегодня он старался вести себя так, чтобы девушке было комфортно в его обществе, не позволяя лишнего. В этот вечер он был особенно сдержан, галантен и деликатен. Дмитрий старался ухаживать за Настей, так, чтобы не смутить ее, случайно выдав сильные чувства к ней.

Молодой человек хорошо запомнил разговор с ее отчимом и продолжение, услышанное от отца: ему не следует добиваться этой девушки, так как выбор партии за нее уже сделан и обжалованию не подлежит. Так что ему оставалось убедить ее лишь в своих дружеских чувствах и готовности оказать любую помощь, если такая потребуется.

– Спасибо за цветы, – скромно опустив глаза почти что прошептала Настя.

– Я хотел сделать тебе приятное, – ответил Дмитрий.

– Наверное, не стоило мне соглашаться на встречу...

– Почему?

– За мной, вроде как ухаживает...

– Андрей?! – усмехнулся Дмитрий.

– Ты знаешь?

– Да! Но боюсь, ты про него не все знаешь!

Настя вскинула на него глаза, и он замолчал.

– Ты про его романы? Так он мне сам рассказал. Я все знаю! Ничего нового от тебя я не услышу.

Дмитрий хотел что-то возразить, но остановился, вспомнив, что дал слово отцу не влезать в их отношения.

– Но друзьями-то мы сможем быть? – глухо спросил он.

– Я не буду скрываться от тебя и прятаться, – Настя улыбнулась и тут же покраснела. – Но не представляю себе ситуацию, чтобы могла обратиться к тебе за помощью.

– Все-таки имей в виду, что я всегда помогу тебе, если что-то случится.

– Спасибо, я это запомню. Мне пора домой. Проводишь меня?

Она взяла сумочку и встала из-за стола. Молодой человек поспешил за ней. Выйдя из ресторана в темноту тихого осеннего вечера, кое-где подсвеченного фонарями и вывесками магазинчиков и кафе, они медленно побрели по мощенному булыжниками тротуару.

...В конце недели Настю ждало еще одно неожиданное событие. Связано это было с программой, которую подготовил для нее Андрей. Нельзя сказать, что это ему не нравилось или было в тягость. Наоборот, знакомство с Настей, с этой наивной и доверчивой девушкой, внесло

в его жизнь разнообразие. Она отличалась от всех, с кем ему приходилось общаться раньше. Ему было с ней легко и просто, поэтому Андрей с большим удовольствием старался ей понравиться.

Заказав экскурсию по ночной Москве, с ужином на теплоходе, он рассчитывал, что все это произведет на девушку сильное впечатление. Ведь Настя была провинциалкой, и подобное будет в диковинку для нее.

Немчинов-младший не ошибся. Когда при встрече он сообщил ей эту новость, радости не было предела. Настя обхватила его за шею и нежно поцеловала в щеку, но тут же сконфузившись, попросила прощения за подобное поведение.

– Все в порядке! – успокоил ее Андрей. – Я вижу, что ты правда довольна.

– Конечно, я довольна, Андрюша! – так она назвала его впервые.

Трудно сказать, что было причиной этому: переполняющее ее чувство детского восторга, когда тобой овладевает бесконтрольная радость, в преддверие какого-то важного события, или она действительно увидела в этом молодом человеке то, что по ее мнению было тем лучиком надежды на изменение ее жизни к лучшему. Но с момента смерти отца, именно в Андрее она видела теперь опору, которой ей так не хватало.

Конечно, ей было невдомек, что ни она, ни даже сам молодой человек, который хоть и был осведомлен, о той игре, в которой ему отводилась определенная роль, не могли изменить то, что было уготовано Судьбой.

...Шли недели, месяцы, Настя, окруженная заботой Андрея, немного осмелела и чувствовала себя уже настолько спокойно, что забыла об унижительном случае с деньгами, подброшенными Мариной Ивановной.

Прошло совсем немного времени, и она уже не гнушалась получать дорогие подарки, а на многое просто перестала обращать внимание, принимая все как должное.

После знакомства с Андреем у Насти все постепенно наладилось. Ей многое нравилось, было комфортно и легко в новом мире. Так что когда Немчинов предложил Насте стать его женой, та с радостью согласилась.

Дочка ее росла в полном достатке, окруженная заботой и вниманием. Да и сама она изменилась: стала ухоженной и элегантной. Единственное, что осталось от прежней Насти, это хрупкая, утонченная фигурка и бледный, немного болезненный цвет лица, с редко появляющейся на нем улыбкой.

Х.

...Покинув соборную площадь, машина молодых мчалась по проспекту навстречу новой жизни, пролетая перекрестки, нигде не сбавляя ход, как будто перед ними была открыта зеленая улица. Выехав за город, лимузин свернул на гладко асфальтированную дорожку элитного коттеджного поселка, и, тихо шурша шинами, двинулся вглубь. Поравнявшись с высоченным кирпичным забором, машина остановилась. Из нее выскочил Андрей, оглянулся по сторонам, подал руку Насте, и после того, как девушка вышла из машины, молодой человек подхватил ее на руки и понес в дом.

В доме было пусто и тихо, как будто сюда давно уже никто не заглядывал, а само это место было какой-то тайной загородной резиденцией, услугами которой пользовались только по особому назначению. А это как раз был тот случай, когда молодые могли побыть наедине, вдали от посторонних глаз.

Андрей внес Настю внутрь. Сбросив на ходу черные лакированные туфли, он поднялся по лестнице на второй этаж, и пара скрылась за белоснежной дверью одной из комнат.

...Наутро, едва девушка успела открыть глаза, она увидела перед собой улыбающееся лицо мужа, который держал в руках поднос с завтраком. Она потерла ладошками заспанное личико, и, улыбнувшись в ответ, протянула руки к подносу, поставив его на одеяло рядом с собой.

– Какие у нас планы на сегодня? – произнесла она, дуя на горячий напиток.

– Ты разве забыла? Мы сегодня отправляемся в путешествие.

– Какое путешествие? Ты мне ничего не говорил, – удивившись ответу мужа, произнесла Настя.

– Неужели?! – улыбнулся Андрей, пристально посмотрев ей в глаза.

– Кажется, начинаю вспоминать! – произнесла она. – Но все как-то очень смутно. Мне было так хорошо с тобой ночью, что я забыла обо всем.

Андрей, провел рукой по ее спутавшимся волосам и, нежно поцеловав в губы, добавил:

– Тогда будем собираться, машина уже ждет.

Свадебное путешествие, в которое им предстояло отправиться, было необычным. Их путь лежал на южное побережье Азовского моря, в курортную станицу Голубицкая. Здесь жила бабушка Андрея по материнской линии, которая души не чаяла в своем внуке, а узнав про свадьбу, как можно скорее захотела его увидеть, и поздравить молодых.

Владимир, водитель серебристого внедорожника с аппетитом и наслаждением доедал беляш. Но как только Андрей и Настя показались из дверей, он молниеносно запихнул остатки завтрака в рот, наспех вытерев губы и руки влажной салфеткой, выскочил из машины и аккуратно уложил в багажник пару чемоданов. Владимир был персональным водителем Петра Ивановича и сопровождал босса во всех автомобильных поездках. Это был коренастый, невысокого роста молодой человек, лет тридцати, лопухий, короткостриженный, выполняющий попутно функцию охранника и помощника по хозяйству.

– Как там отец? – спросил его Андрей, как только они сели в машину.

– С утра отвез его на работу, – ответил тот. – Сегодня, как мне показалось, ему особенно нездоровится, и кашель как будто усилился. Не понимаю, почему он не хочет обратиться в клинику. Глогает гомеопатию, которая ему уже не помогает.

Андрей, помрачнев, подумал с минуту, и сказал:

– Как приедем, обязательно заставлю его лечь на обследование. Дальше так продолжаться не может. Он угробит себя самолечением.

Настя все это время сохраняла молчание. Усадив на колени годовалую дочку, она слегка покачивала ее. Девочке очень нравилась эта игра и она, радостная, с детским визгом, скакала на ногах матери, вцепившись маленькими ручонками в ее одежду.

– Я слышала, сейчас на юге бархатный сезон, – вдруг произнесла Настя.

Андрей улыбнулся и ответил:

– Самый его конец. Мы с отцом каждый год ездили туда именно в это время. Мягкий климат, море еще теплое, а с другой стороны – нет изнуряющей жары. Отец не любит жару, тем более, когда себя неважно чувствует. Бабушка всегда заботилась о нас, старалась, чтобы наше пребывание у нее прошло с пользой и радостью. Она в прошлом медик, поэтому всегда знала, что и кому нужно. После таких поездок и бабушкиных забот, отец всегда себя лучше чувствовал.

– А бабушка по материнской линии? – поинтересовалась Настя.

– Да. Папины родители уже умерли.

...За разговором они не заметили, как оставили позади себя несколько десятков километров, и их автомобиль уже выезжал на трассу «Дон», соединяющую столицу с южными окраинами. Водитель все это время молчал, внимательно следя за дорогой. Машина двигалась все дальше на юг, пейзаж за окном постепенно начал меняться. Леса и перелески Тульской и

Липецкой областей, сменились редкими лесополосами и бедными растительностью степями и полустепями Воронежской области. Клубы пыли, поднимавшиеся от пронесившихся мимо большегрузов, говорили о том, что в этих краях давно не было дождей. Сухая трава на полях вся пожухла и шелестела, склоняясь под порывами сухого октябрьского ветра.

– Как обычно! – брошенная водителем фраза сбросила легкую дрему с пассажиров.

– Что там? – поинтересовался Андрей.

– Кажись, приехали! Лосево! Начало вечной пробки, – недовольно фыркнул Владимир.

Небольшое село, через которое проходила трасса «Дон» располагалось на полпути в Голубицкую. Это был своего рода «привет из девяностых», чья атмосфера была рассчитана на автомобилистов, попадавших в пробку.

– Может быть, мы тоже здесь остановимся? – произнесла Настя умоляющим голосом. – У меня уже все тело затекло, да и Наташке надо хоть чуть-чуть воздухом подышать.

– Хорошо! – произнес Андрей.

– Как скажете, – Владимир свернул на обочину и припарковался у одного из придорожных кафе. – Если вы не против, я немного покемарю, – обратился он к Андрею. Тот кивнул и вышел наружу, подхватив на руки маленькую Наташу.

Обслуживающий персонал кафешки пытался услужить посетителям, которые, понервничав в пробках, решили посетить их простенькое, немного обветшалое заведение. Все места за столиками были заняты, поэтому Настя и Андрей с Наташей на руках, подошли к прилавку и стали прицениваться, чем можно подкрепиться.

После того как в дальнем углу зала освободился столик, молодые переместились туда. Маленькую Наташу усадили у окошка, ей нравилось смотреть на движение, которое было снаружи. Андрей подозвал официанта и попросил меню. Получив заказ, тот быстро удалился, а молодые посетители скользили взглядами по стенам заведения, по лицам посетителей, с тихим смехом давая комментарии по той или иной персоне.

Контингент заведения был настолько пестрым, и, глядя на него, можно было подумать, что сюда согнали всех против их воли, насильно. Богатые, хорошо одетые люди, смешались с простыми, серыми, невзрачными, грязными, пахнущими бензином и машинным маслом дальнобойщиками, случайными посетителями и местными жителями.

За соседним столиком сидели два молодых парня-кавказца, которые о чем-то тихо разговаривали, изредка посматривая на Настю и Андрея, и чему-то улыбались. Спустя некоторое время появился официант с подносом в руках, который принес заказ, сделанный Андреем. Пока молодые люди были заняты беседой с официантом и расстановкой принесенных приборов на столе, один из кавказцев, которой сидел ближе к Насте, незаметно снял со спинки стула ее сумочку, которую девушка так неосмотрительно оставила у всех на виду, и сунул себе под куртку. Никто не обратил внимания на этот маневр. После этого парни подозвали все того же официанта, который уже освободился, расплатились и были таковы.

Пропажа обнаружилась только тогда, когда Андрей с Настей собрались уходить. Обернувшись чтобы взять кошелек, девушка обнаружила, что сумочки на спинке нет. Настю охватила паника, она быстро вскочила со своего места и начала судорожно осматривать все вокруг, заглядывая под соседний столик и под стулья. Понимая, что сумочки нигде нет, и что ее, скорее всего, украли, она взглянула испуганными, полными слез глазами на мужа и тихо произнесла:

– У меня же там было все! И документы, и деньги...

Андрей лишь угрюмо посмотрел на нее, покачав головой, потом встал и направился к выходу, добавив:

– Сиди здесь, я сейчас приду!

– Что у вас случилось? – спросил, подойдя официант, заметивший что-то не ладное.

– У меня украли сумочку! – произнесла Настя, вытирая слезы. – Я ее повесила на спинку, а когда хотела взять, ее уже не было.

– Странно! – заметил официант. – Я работаю в этом заведении уже десятый год, и на моей памяти подобных случаев не было. Вы уверены, что брали ее с собой, а не забыли где-нибудь в другом месте?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.